

УДК 340

**ФЕНОМЕН КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА**

© 2015 Р. А. Ромашов

Аннотация. Автором дается историко-философский анализ криминализации общественных отношений. Рассматриваются подробно факторы, наиболее сильно влияющие на криминализацию правового сознания и правового поведения граждан.

Ключевые слова: криминализация, государство, преступность, наказание.

**THE PHENOMENON OF THE CRIMINALIZATION OF SOCIAL RELATIONS
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

© 2015 R. Romashov

Summary. The author provides a historical and philosophical analysis of the criminalization of social relations. Discusses in detail the factors most strongly influencing the criminalization of legal consciousness and legal behavior of citizens.

Keywords: criminalization, government, crime, punishment.

Человек с момента рождения живет в коллективе – устойчивой социальной организации, имеющей определенную форму (семья, спортивная команда, воинское подразделение, политическая партия, государство и др.) и в своей деятельности руководствующейся сводом внутренних правил (традиции, распорядок дня, служебный устав, кодекс поведения и др.). Все человеческие коллективы можно объединить в две типовые группы – системноцентричные и эгоцентричные.

В основу системноцентричных организаций положен постулат о первичности и приоритетности общественного по отношению к личному. Личность – неотъемлемая часть системы общества. Само название «общество» свидетельствует о том, что у отдельного его представителя нет ничего своего, того, что принадлежит только ему и чем только он может свободно распоряжаться. В обществе все общее: цели, задачи развития, собственность, история и традиции. Индивид, ставящий собственные интересы на первый план, воспринимается как нарушитель общего порядка и негативно воспринимается «нормальными» общинниками.

Эгоцентризм рассматривает человека, его права и свободы в качестве первичной и основной ценности. Коллектив есть союз формально равных человеческих личностей, выступающих в качестве самостоятельных и свободных субъектов права, обладающих правовым статусом, в структуру которого входят, в том числе, права и законные интересы, не подлежащие ограничению никем (и в первую очередь государством), ни при каких обстоятельствах.

Полагаю, что говорить о криминализации общества можно только применительно к системноцентричным организациям, выступающим в качестве единых социальных образований, своего рода «коллективных людей». Нередко преступность сравнивают с заболеваемостью. В таком понимании криминализация сравнима с эпидемией, охватывающей не просто отдельных людей, а целые населенные пункты, районы, государства. Применительно к обществам эгоцентричного типа можно и нужно говорить о тенденциях криминализации/декриминализации общественных отношений (миграционных, экономических, политических и т.п.), но не общества. Ведь если общество не является единым организмом, а совокупностью равноправных и равнообязанных партнеров, руководствующихся в своей деятельности самостоятельными целевыми

установками и ориентирующихся в общественной деятельности на собственные интересы, то и криминализации подвержено не общество, а отдельные его представители, а также определенные направления общественной жизнедеятельности.

Какие факторы оказывают наиболее сильное влияние на криминализацию правового сознания и правового поведения граждан и, как следствие, на криминализацию общественных отношений? Прежде всего это уровень социально-политической и экономической стабильности. Как показывает сравнительно-исторический анализ, в обществах, не переживших глобальных социально-политических потрясений и развивающихся в рамках эволюционирующей государственной традиции, состояние криминалитета и уровень криминализации оставались и остаются в пределах нормы, не представляющей угрозы для жизнедеятельности общества и государства в целом.

По мнению доктора философских наук В. Житенева: «Криминализация российского общества, возникшая в результате исторически мгновенного слома советского строя, связана с высвобождением рожденной в недрах тоталитарной системы огромной социальной энергии деструктивного характера и возникновением новых криминальных субъектов, включая само государство. Для этих субъектов не существует понятия социальной нормы обогащения, т.е. различия между социально-нормальными, корыстными и преступными способами как постсоциалистического приобретения (накопления) собственности, так и способами капитализации денег, имущества, интеллектуальных ресурсов, предпринимательских и иных способностей. Цивилизованный дух западного капитализма, взращенный протестантской этикой обязательности, расчета, трудолюбия, социально-скромного, а не демонстративно-престижного потребления (М. Вебер), в российских условиях постсоциалистической стадии развития имеет ничтожно малый вес в сообществе экономических субъектов»¹.

В данном случае имеет место как раз то обстоятельство, на котором мы акцентировали внимание, когда рассматривали специфику рассмотрения права и преступления представителями классической философии. Отсутствие конструктивного подхода к восприятию права и преступления как объективных системных категорий, в равной степени присущих тоталитаризму и демократии, православию, католицизму и протестантизму, обуславливает использование штампов, выхолащивающих научную составляющую работ и придающих им пропагандистско-публицистический характер. На наш взгляд, анализ отечественной и зарубежной истории позволяет с высокой степенью уверенности говорить о том, что в государствах с устойчивыми политическими режимами, независимо от их типа, уровень общеуголовной преступности имел тенденцию к снижению. Вместе с тем существует определенный минимальный предел сохранения «криминальной активности», ниже которого криминализация, характеризующая состояние преступности, не опускается независимо от формы государства и уровня общественного благосостояния. Преступность есть в любом государстве, на любом этапе его развития. В уже отмечавшейся мной работе И. М. Рагимова «Философия преступления и наказания» предпринимается попытка рассмотрения категорий «философия преступления» и «философия преступности»². Полагаем, что если рассматривать преступление и преступность как предметы философского анализа, то следует в первую очередь отказаться от уголовно-правовой характеристики преступления как деяния, противоправный и виновный характер которого определен в действующем уголовном законе. Ведь если принять за основу этот тезис, то логично предположить, что в случае отмены уголовного закона перестает существовать и нормативная модель преступления, что, естественно, не означает исчезновения преступления и преступности как объективных социальных явлений. Действительно, соотношение преступления и преступности – это соотношение части и целого. В то же время, и об этом мы будем говорить впоследствии, преступность не есть механическая совокупность выявленных и пресеченных преступлений. Точно так же, как любой здоровый человек является

¹ Дубнов А. П., Дубовцев В. А. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества / под ред. В. Б. Житенева. – Екатеринбург: Ява, 1999. – С. 6.

² См.: Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический центр, 2013. – С. 26–43.

носителем невыявленных заболеваний и болезнетворных микроорганизмов, общество включает в себя как людей, потенциально готовых к совершению преступлений, так и тех, кто, совершая преступления, по различным причинам не подвергается уголовному преследованию, ответственности и наказанию.

Криминализация общественных отношений усиливается тогда, когда ослабевает эффективность государственного правоохранительного механизма. При этом вопрос, на чем основывался официальный правопорядок – на социально-активном, традиционном или маргинальном правомерном поведении – носит производный характер. В стабильных традиционных обществах, безусловно, главенствуют правовые традиции, основанные на уважении исторического опыта и преемственности предшествующих и современных поколений. В социальных системах, претерпевших революционные изменения, на первом месте в системе инструментов правового регулирования стоит страх перед наказанием. Ослабление страха перед легальным принуждением обуславливает усиление тенденции, названной социально-правовой аномией³, кульминацией которой является «скатывание» общества в обстановку «политико-правового» хаоса, когда криминализация общественных отношений достигает своего максимума. Анализируя новейшую отечественную историю, следует выделить два «пика» криминальной активности – это 1917–1920-е гг. и 1990–1994-е гг. В указанные периоды наблюдалось максимальное ослабление государственного механизма регулятивно-охранительной деятельности практически во всех областях общественной жизни и заполнение возникшей лакуны криминальным квазирегулированием. При этом говорить о ситуации, возникшей в конце XX в., как о наследии тоталитарного советского прошлого столь же непродуктивно, как применительно к началу того же века говорить о преступности как о наследии царизма. Россия на всех стадиях своего развития демонстрировала и демонстрирует крайне пренебрежительное отношение к собственному историческому прошлому.

Наглядный пример такого отношения – в одной из последних работ председателя Конституционного суда России профессора В. Д. Зорькина, рассуждающего о месте и роли Конституции в политико-правовой системе Российской Федерации. По мнению мэтра отечественного конституционализма, определение эффективности конституционного процесса – это в конечном итоге «вопрос о разумных и эффективных пределах, способах и формах адаптации высоких образцов современного конституционализма к сложным реалиям нашей российской жизни, обусловленным как наследием бесправного прошлого, так и трудностями и издержками переходного периода»⁴. Если ориентироваться на точку зрения В. Д. Зорькина как наиболее авторитетного российского эксперта в сфере конституционализма, то можно сделать вывод о том, что критерием оценки эффективности конституционного процесса является степень адаптации «высокого образца конституционализма» (по сути, самой конституции) к «сложным реалиям российской жизни». Не ставя под сомнение позицию авторитетного и уважаемого ученого и государственного деятеля, вместе с тем нельзя не отметить того обстоятельства, что разрывы между «конституционными идеалами» и практическими реалиями для России были характерны всегда. Конституция как документ, обладающий соответствующей формой и атрибутикой, появилась в России в 1918 г. В период диктатуры пролетариата также много говорилось о ликвидации последствий «бесправного прошлого». Вот только классовый террор большевиков против свергнутых «эксплуататоров» по своей жестокости многократно превосходил «бесправие и угнетение» Российской империи. В. Д. Зорькин пишет о «бесправном прошлом» применительно к советскому периоду, в рамках которого действовали советские конституции, социалистическое право и социалистическая законность. Есть ли гарантия того, что через определенное время кто-то из авторитетных и уважаемых ученых своего периода не будет рассматривать в качестве «бесправного прошлого» нынешний период российского конституционализма? Ответ на поставленный вопрос прозвучит в будущем.

³ См.: Ромашов Р. А. Конфликтология: учебное пособие. – СПб., 2006. – С. 98–99.

⁴ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – С. 173.

Очевидно, что отрицание предшествующего опыта, сопровождаемое пропагандой мифологемы великой России, не способствует ни усилению патриотизма, ни международному авторитету Российского государства. Вместе с тем резкие смены политико-правовых курсов, происходящие в короткие (по историческим меркам) временные промежутки, девальвируют ценность официального права в системе объективных социальных регуляторов и одновременно повышают общественную значимость криминальных средств социального регулирования. Переживающее непрерывные реформационные изменения общество объективно подвержено криминальным девиациям. В свою очередь государство, постоянно меняющее «правила игры» с собственным народом и уповающее в отношении с ним преимущественно на силовые методы воздействия, неизбежно утрачивает реальную легитимность и становится нестабильным, подверженным скоротечным деструктивным изменениям. В минувшем столетии Россия как государство дважды оказывалась «в тупике истории» с разрушительными для государственного механизма последствиями. Очень не хотелось бы, чтобы история повторилась вновь.

Библиографический список

- Дубнов, А. П.* Философия преступности: проблемы криминализации российского общества / А. П. Дубнов, В. А. Дубовцев; под ред. В. Б. Житенева. – Екатеринбург: Ява, 1999.
- Зорькин, В. Д.* Цивилизация права и развитие России: монография / В. Д. Зорькин. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2015.
- Рагимов, И. М.* Философия преступления и наказания / И. М. Рагимов. – СПб.: Юридический центр, 2013.
- Ромашов, Р. А.* Конфликтология: учебное пособие / Р. А. Ромашов. – СПб., 2006.